

ЖАНР «БАДИК» В ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ
УЗБЕКОВ

Обрядовый фольклор, составляющий органическую часть любого ритуала, играет большую роль в бытовой культуре этноса. Жанры обрядового фольклора многообразны. Один из них — бадик широко распространен среди тюркских народов Средней Азии и Казахстана (узбеки, каракалпаки, киргизы, казахи)¹. Известен он также и у таджиков (у них он называется «гулафшон»)². В фольклоре туркмен этот жанр до сих пор не был отмечен³. Несмотря на значительный интерес, который жанр бадик представляет в историко-культурном плане, в этнографической и фольклорной литературе специальных работ по этому жанру нет. Поэтому обращение автора настоящей статьи к названной теме вполне понятно. Предпринятое исследование, основанное главным образом на полевых материалах, собранных автором, ставит следующие задачи: очертить ареал жанра бадик, охарактеризовать этот жанр и выявить его основные виды.

Термин «бадик», как удалось установить, означает: 1) болезнь (ср. «гулафшон» — краснуха); 2) обряд, связанный с этой болезнью; 3) текст обряда.

По имеющимся в нашем распоряжении данным, жанр бадик распространен в основном в северных районах Средней Азии и Казахстана. Значительно реже этот жанр представлен в южных и восточных районах Средней Азии, что подтвердили исследования, проведенные в 1976 г. фольклорной экспедицией при участии автора.

Бадик — это жанр заговора, по традиции исполнявшийся при лечении краснухи, ветряной оспы. В основе обряда «лежала вера в то, что болезни все время переселяются, кочуют, а с помощью заговоров можно заставить их покинуть тело больного и перебраться в кого-нибудь другого или в какой-нибудь неодушевленный предмет»⁴.

Право исполнять бадик (текст заговора) имели лишь избранные духов-покровителей — бадикханы. «Избранничество», его характер воссоздать нелегко, однако есть веские доводы, свидетельствующие о связи бадикханства с древним шаманством.

Данные, полученные от информаторов-бадикханов во время фольклорных экспедиций, стереотипны. Мотив всех рассказов следующий. Будущий бадикхан страдает недугом, его посещает дух, который предлагает принять бадикханство и предупреждает, что если больной ослушается, то будет и впредь пребывать в несчастье.

Порядок проведения обряда, состав лиц, проводящих обряд, манера исполнения каждого текста в различных районах Узбекистана имеют своеобразную традицию. При определении различий учитывались время проведения обряда, положение, в каком находился больной при исполнении бадика, состав исполнителей, поэтические особенности текста и способ их исполнения.

¹ См. Давкараев Н. Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959, с. 44—45; Жапаков Н. Заговоры. — В кн.: Очерки по истории каракалпакского фольклора. Ташкент: Фан, 1977, с. 144—146; Каракалпак халық қосықлари. Некис: Қарақалпақстан баспасы, 1965, с. 88; Қарақалпак фольклоры. Коптомлык, т. XI. Некис: Қарақалпақстан баспасы, 1982, с. 15—37; Киргизская лирика. Фрунзе: Мектеп, 1975, с. 22—23; Уахатов Б. Қазақтың турмыс-салт жырларының типологиясы. Алматы: Ғылым баспасы, 1983, с. 55—57.

² Муродов О. Некоторые фольклорные жанры, связанные с древними верованиями таджиков. — Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977, с. 86—88.

³ В специальной литературе мы не нашли никаких сведений о жанре бадик у туркмен. Туркменский фольклорист Ш. Халмухаммедов подтвердил, что в обрядовом фольклоре туркмен жанр бадик отсутствует (письмо хранится в личном архиве автора).

⁴ Жапаков Н. Указ. раб., с. 145

По указанным параметрам можно выделить три разновидности бадика.

К первому, наиболее распространенному виду можно отнести бадик, зафиксированный в северных, северо-западных, южных районах Узбекистана (а также у казахов, каракалпаков, киргизов и узбеков, проживающих в Северном и Южном Таджикистане). Обряд проводился в течение трех дней: в среду, пятницу и субботу, обязательно во время захода солнца.

По нашему мнению, проведение обряда в определенные дни у тюркских народов связано не с древними доисламскими верованиями, а с исламом. В среду божественная воля одарила растительный мир и воду душой, в пятницу были созданы звезды, родился пророк Мухаммед, суббота — канун окончательного сотворения мира. Поскольку душа была вселена в растения и воду в среду, считалось, что именно в этот день недели лучше всего изгонять из человека болезнь, проникающую через пищу и одежду. Пятнице отдавалось предпочтение в сравнении с другими днями недели как святому дню. Полное избавление от болезни совершалось в субботу, т. е. в канун сотворения всего существующего. Что же касается приурочения начала обряда к моменту захода солнца, то это, видимо, было связано с подражательной магией наших предков, по представлениям которых с угасанием дня наступал и конец болезни.

В обряде бадика участвовали два человека — больной и бадикхан, но присутствовать могли все желающие, имеющие какое-то отношение к больному. Сам же обряд и исполнение текста осуществлялись только бадикханом.

По тому, как бадикхан готовил больного к обряду, в каком положении из больного изгонялась хворь, различают два подвида обряда бадика.

Первый подвид. В кишлаке Учма и близлежащих к нему кишлаках Фаришского р-на Джизакской обл. больного укладывали на спину, затем накрывали белой материей, а поверх клали баранью или коровью шкуру шерстью вниз. Шкуру посыпали измельченным пометом, золой или землей, набранной на перекрестке дорог. Бадикхан начинал обряд, слегка ударяя больного семью ивовыми прутьями.

Помет, зола, земля с перекрестка широко использовались в древности народами Средней Азии как средства изгнания злых духов.

Второй подвид. Был распространен в окрестностях Шахристана и Нураты — больного сажали лицом к заходящему солнцу. В среду его накрывали красной материей, в пятницу — черной, в субботу — белой. Рядом с ним устанавливали семь свечей или факелов, изготовленных из хлопка, намотанного на конец камышинки. Бадикхан начинал читать текст, имитируя удары семью ивовыми прутьями. Еще за несколько дней до обряда готовили баурсак (жареные куски теста), который во время обряда трижды обносили вокруг головы больного и выбрасывали на улицу с тем, чтобы его съело какое-нибудь животное. На второй день вокруг головы больного трижды обносили каурмач — жареную пшеницу. Затем ее рассыпали по крыше, чтобы склевали птицы. За три дня до обряда бадикхан выносил на солнце ивовые прутья и сушил их. Как видим, обряд сопровождался разнообразными магическими действиями.

Во втором подвиде обряда следует обратить внимание на связь цвета материи, которой накрывали больного, с днями проведения обряда. В этом мы усматриваем оставшиеся в бадике отголоски подражательной магии наших предков, видевших взаимообусловленность цвета предмета и цвета болезни: первый день обряда — красная сыпь и красная ткань, второй день — черные пятна от сыпи и черная ткань, третий день — белая ткань и исцеленное тело. Зависимость от подражательной магии наблюдается и в сушении ивовых прутьев на солнце. Как утверждают бадикханы, сыпь на теле больного начинает подсыхать вместе с высыханием прутьев.

Следы контагиозной магии⁵, видимо, прослеживаются в обрядах первого и второго дня: в выбрасывании на улицу баурсака и рассыпанию по крыше жареной пшеницы. Первобытный человек представлял себе, что болезнь переходит из тела больного в баурсак и пшеницу, когда их трижды обносят вокруг головы больного. И если животные съедят их, то болезнь войдет в них.

При исполнении рассматриваемого вида бадика применялось три средства: слово, действие и предметы, обладающие, по представлениям древнего человека, магической силой.

Обратимся к тексту первого вида бадика. Текст, как правило, имеет стихотворную форму. Вполне вероятно, что первоначально текст не был рифмованным, однако в результате совершенствования в течение длительного времени он постепенно приобрел ритмомелодику.

Текст этого вида бадика довольно устойчив. Поэтому импровизация для него не характерна, хотя, конечно, местные традиции и личные особенности исполнения неизбежно вносили в текст изменения и дополнения.

Основное содержание текста — изгнание из больного недуга, лечение от сыпи. Каждое слово, каждая фраза текста преследует определенную цель.

Бадик, болезнь, в народном сознании представлялась как нечто одушевленное. Совершаемый обряд помогал изгнать ее из тела больного. Воздействие заговора на больного подчеркивалось резкой повелительной интонацией чтения. Варианты текстов⁶ З. Худояровой (кишлак Каирма Ура-Тюбинского р-на Ленинабадской обл.) и Т. Эркабаевой подтверждают наше мнение.

Вариант З. Худояровой состоит из 11 строк. Текст начинается с обращения к богу: Бисмиллохир-рахман ар-рахим. — Во имя Аллаха милостивого, милосердного.

В первых четырех строках речь идет о том, что бадик (болезнь) в начале обряда сомневается, раздумывает, покинуть ли свою обитель или остаться в ней. Однако бадикхан настойчиво просит:

1. Уйди, уйди, бадик, уйди, бадик,
2. Не стой в сомнении на пороге, бадик.
3. А если колеблешься и останешься на пороге, бадик.
4. То вызовешь тревогу в душе хозяев дома.

Бадикхан приказывает бадикку покинуть больного, точно указывает, куда ему уйти, всячески расхваливая новую обитель:

5. Уйди, уйди, бадик, на луну уйди,
6. К живущим под луной баям уйди,
7. Если хочешь чего-то чистого, к ручейку уйди,
8. Если хочешь чего-то резвого, к жеребятam уйди.

Текст варианта З. Худояровой заканчивается строками:

9. Уйди, бадик, уйди, бадик,
10. Не стой в сомнении на пороге, бадик,
11. Не вызывай тревогу в нашей душе, бадик!

Девятая и десятая строки почти повторяют первые две строки, одиннадцатая строка — близка к четвертой.

Вариант Т. Эркабаевой состоит из одиннадцати строф различного объема. Каждая строфа начинается словами, приказывающими бадикку покинуть больного:

Уйди, уйди, все равно уйдешь!
Я не отстану, пока не изгоню тебя.
Пока не попью твоей крови,

⁵ Фрезер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980, с. 20—61.

⁶ Здесь и далее использованы материалы фольклорного архива Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, инв. № 1749. Тексты записаны автором в 1980 г.

Я не оставляю тебя здесь!
От языка, произносящего слово Корана, уйди,
От рук, перебирающих четки, уйди.

Две последние строки появились в тексте явно под влиянием ислама, но потребовалось длительное время, чтобы это прочно закрепилось в тексте.

Усиление ислама в Средней Азии, несомненно, вело к ослаблению шаманских традиций в этом регионе, хотя, как верно отмечает О. А. Сухарева, ислам использовал сохранявшийся здесь шаманизм в пропаганде культа мусульманских святых⁷.

В бадике доминирует архаическое начало:

Уйди, уйди, все равно уйдешь!
Из многослойных ушей уйди,
Из булькающей почки уйди,
Из набухшего сердца уйди,
Из позвоночных гнезд уйди,
Из дарящей руки уйди,
Из почитающих коленей уйди,
Со стороны ног уйди,
Из посещаемых мест уйди,
С дорог, по которым ходит больной, уйди,
Из дел, которыми занимается больной, уйди,
Из всех сорока ступеней костей уйди.

(Т. Эркабаева)

Примечательно то, что в тексте бадика сохранились следы древнего культа «момо», прямое обращение к момо — духу-покровительнице⁸:

Уйди, уйди, все равно уйдешь!
Я укажу, куда тебе уйти,
Если ты момо, в озеро уйди,
Если ты зло (зиён)⁹, в степь уйди,
Если ты призрак (арвох), в могилу уйди.

(Т. Эркабаева).

Судьба бадикхана находилась в непосредственной зависимости от результатов его деятельности. Если бадикхан, как и бахши (парихан), был не в силах изгнать злых духов, то духи, почувствовав свою силу, набрасывались на него и могли навлечь на него неприятности, что нашло отражение в тексте:

Уйди, уйди, все равно уйдешь...
В мельничную воронку (тегирмон дули) уйди,
К скачущему в горах оленю уйди,
В узоры красного седла уйди,
К бессильному бахши уйди!

И наконец, у каждого бадикхана имелась своя, отличная от других концовка текста, которая трижды повторялась при завершении обряда. Строфы концовки имели такой же размер, как и строфы всего текста, а смысл их заключался в пожеланиях больному скорейшего и полного выздоровления:

⁷ Сухарева О. А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков. — В кн.: Домусульманские верования и обряды Средней Азии. М.: Наука, 1975, с. 15—17.

⁸ У народов Средней Азии корни культа момо уходят в глубь веков. Это культ женщины — покровительницы рожениц, т. е. продолжательницы рода. О культе момо см. Сухарева О. А. Указ. раб., с. 18—56.

⁹ Словом зиён узбеки иносказательно называют навредившего или потенциально опасного духа (духов).

Пусть всегда будет корм для белого ишака,
Пусть всегда будет корм для синего ишака,
Пусть будут последними мои удары прутьями,
Пусть я буду последним, кто смотрел этого больного,
Пусть он больше не нуждается в присмотре,
Пусть он больше не нуждается в лечении.

Аллах акбар.

(Т. Эркабаева)

Как видно из материала, в первом виде бадика по способу проведения обряда и средствам, используемым в нем, различаются два под-вида. Объединяет же их идентичность содержания текста и характер исполнения.

Второй вид бадика отмечен нами лишь в Алтыарыкском р-не Ферганской обл. у бадикхана П. Пулатовой (ниже приводится ее текст). Дни проведения обряда — среда, пятница и суббота, но в отличие от рассмотренных выше не на закате солнца, а днем, в особых случаях — ночью. Выбор дневного времени для проведения обряда большинство бадикханов объясняют тем, что в светлое время суток легче справиться со злыми духами, так как время их активной деятельности — ночь.

Время проведения «игр»¹⁰ шаманами, а следовательно и бадикханами, в Средней Азии приурочивалось в прошлом к наступлению темноты. Но со временем камлание стало осуществляться в любое время суток¹¹.

В обряде участвовали бадикхан и больной. При исполнении текста бадикхана слегка ударял семью ивовыми прутьями сидящего больного.

В первых двух строках рассматриваемого бадика бадикхан выражает свое преклонение перед бадикшопиром (или гулафшопиром) — духом-покровителем бадикханов:

Я преклоняюсь [перед] своим покровителем (бадикшопиром),
Я преклоняюсь [перед] своим патроном (гулафшопиром).

В зачине приведенного текста встречаются два различных названия одного и того же покровителя бадикхана. В следующих двух строках сама болезнь бадик также дана под двумя названиями — гулафшо и бадикшо:

Если ты гулафшо, уйди,
Если ты бадикшо, уйди.

Такой повтор обусловлен стилистическими требованиями жанра.

В последующих строках бадикхан «пытается» определить, с каким животным связана болезнь, чья эта болезнь. Он перечисляет их:

Если ты верблюжий бадик, уйди,
Если ты лошадиный бадик, уйди,
Если ты овечий бадик, уйди,
Если ты коровий бадик, уйди!

Здесь, на наш взгляд, можно усмотреть связь бадикханства с народной медициной, где издревле было замечено, что многие болезни передаются от животных.

Обращает на себя внимание порядок перечисления цвета сыпи в зависимости от стадий болезни:

Если ты красный бадик, уйди,
Если ты черный бадик, уйди,
Если ты синий бадик, уйди,
Если ты белый бадик, уйди!

¹⁰ Лечение больного и призывы париханами духов узбеки называют *уйин* (игра).

¹¹ Басилов В. Н., Ниязкльчев К. Пережитки шаманства у туркмен-човдуров. — В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии, с. 123—137.

Такой порядок перечисления цвета есть не что иное, как акт магического ускорения излечения больного.

На протяжении всего обряда текст повторялся трижды. Завершался обряд так: вокруг головы больного бадикхан троекратно обносил посуду с жареной пшеницей, которую затем рассыпал по крыше. На крышу также забрасывались ивовые прутья.

Третий вид бадика был распространен в Ахангаранском, Букинском, Пскентском, Аккурганском и Бекабадском районах Ташкентской обл.

Обряд проводился в среду, четверг и пятницу. Исполнение бадика носило коллективный характер. Вместо профессионального бадикхана исполнителями бадика были юноши и девушки, разбитые по парам. Обряд строился в форме словесного состязания (айтиш) между юношами и девушками.

К заходу солнца больного выносили на окраину кишлака, причем на клеверное поле, и сажали лицом к заходящему солнцу. Его окружали юноши и девушки, садившиеся друг против друга. Начинал бадик юноша, затем вступала девушка. Так постепенно в обряд включались все пары.

Обряд носил шуточный характер: юноша желал переселить болезнь (бадик) в девушку, девушка — в юношу. Примером может служить текст бадика, записанный нами в 1981 г. в изложении Х. Мавляновой (кишлак Айтамгали Аккурганского р-на Ташкентской обл.).

Юноша: Если мелкого хочешь, в гальку Ангрена¹² уйди!
Если большого хочешь, в Капка-скалу¹³ уйди.
Если не знаешь куда переселиться, я скажу:
В черные бобровые брови девушки уйди!
Девушка: Если хочешь отмели, на мель Ангрена уйди,
В мясо разлагающегося вола уйди!
Если не знаешь куда переселиться, я скажу:
В лицо джигита белее луны уйди!..

Обряд этот длился нередко до полуночи. В конце обряда на месте, где сидел больной, рассыпали жареную пшеницу.

В рассматриваемом виде бадика главенствующую роль играет импровизация. Объем текста зависит от числа участвующих в обряде исполнителей, от их находчивости, сообразительности, искусства владения словом. Но, пожалуй, самым характерным в нем является то, что текст, исполняемый юношами и девушками, весьма схож с частушками (лапар). Кстати говоря, ареал этого вида бадика совпадает с теми районами, где и в настоящее время устойчивы частушечные традиции. Это районы Ташкентской области от г. Ахангарана вдоль Кураминских гор до г. Бекабада.

Частушечный характер текста, отсутствие профессионального бадикхана при исполнении обряда, изменение ритуала, смещение дней (вместо субботы — четверг) свидетельствуют о том, что этот вид бадика претерпел значительные изменения по сравнению с традиционным. Однако генетическая связь с другими видами прослеживается довольно четко.

Исходя из диалогического (состязательного) характера исполнения этого вида бадика, мы сочли возможным назвать его бадик-айтиш. Данное соображение подкрепляют материалы о бадик-айтыс каракалпакского и казахского обрядового фольклора¹⁴.

Таким образом, рассмотрены три вида жанра бадик узбекского обрядового фольклора, выяснены их сходства и различия. Главное, что

¹² Ангрен — река в Узбекистане.

¹³ Одна из скал Чаткальских гор.

¹⁴ Каракалпак фольклоры, т. XI, с. 15—37; Рукописный фонд Центральной научной библиотеки АН КазССР, п. 1092, тетрадь 16, л. 37. Записано общественным собирателем фольклора по Западному Казахстану Хусаном Тостайбековым со слов своей матери 14 октября 1948 г.

их объединяет,— это лечебная функция обряда, в основе которого лежат анимистические представления древнего человека. Третий вид бадика, носящий шуточный характер, свидетельствует о распаде традиционного обряда бадик, утрате человеком веры в его магическое действие.

Имеющийся в нашем распоряжении материал недостаточен для более точных выводов. В дальнейшем по мере накопления данных, видимо, станут возможны более широкие типологические обобщения.

Н. В. Буланова

ИНДИЙСКАЯ ОБРЯДОВАЯ РОСПИСЬ НА ЗЕМЛЕ

Индийская обрядовая роспись на земле — это особый узор, по древней традиции создаваемый женщинами, которые таким способом стремятся выразить благодарность земле — своей кормилице — или обратиться к богам.

В настоящее время этот узор наносится не только на землю или на пол в культовых сооружениях (в храме и на домашнем алтаре), но и на пол жилых помещений, а также перед входной дверью дома, во дворе и на улице.

Искусством создания обрядовой росписи владеют женщины, исповедующие индуизм или джайнизм: по их представлениям, нельзя оставлять без узора пространство перед домом. Обычно роспись имеет вид законченного рисунка, но в наши дни можно увидеть также всевозможные линии, представляющие собой своеобразные «автографы» хозяек дома.

Традиция нанесения «наземной» росписи передается от матери к дочери. Умение расписывать считается одним из важнейших достоинств невесты, ценимым наравне с ее кулинарными способностями.

В разных районах Индии подобная роспись имеет свои названия: *алпона* (Ассам и Бенгалия), *айпана* (Кумаон), *арипан* (Бихар), *сатхиа* (Гуджарат), *мандана* (Раджастхан), *гхунти* (Орисса), *модак* или *рангавали*, *рангавлика* (Махараштра), *чховк* или *чоукпиджана* (Уттар-Прадеш), *муггулу* (Андхра-Прадеш), *ранголи* (Карнатака), *колам* (Тамилнад), *аньял* (Керала).

Несмотря на неодинаковые названия и некоторые локальные особенности, роспись в разных штатах имеет много общего в композиционном построении, способе нанесения, используемом материале и в основных элементах рисунка, что придает ей определенное сходство. Порошковая краска, которая наносится непрерывной линией, приобретает вид нужного орнамента или конкретного изображения.

Священные места издавна украшают рисовой мукой или зернами, которые затем съедают насекомые, птицы и мелкие животные. В данном случае роспись превращается в своеобразное жертвоприношение. В наши дни для росписи используют рисовую и пшеничную (белую и подкрашенную) муку, крашенные зерна, горох, гальку, песок, сандаловую пасту, листья, разноцветные лепестки цветов и сами цветы, глину, сухие овощи и фрукты, минеральные краски, охру, хну, индиго, цветной мел, чернила и, наконец, фломастер. Но традиционным материалом по-прежнему остается мука. В зависимости от употребляемого материала роспись бывает одноцветной (белой, красной или желтой), двухцветной (бело-красной) или многоцветной. Так, роспись алпона создается с помощью рисовой (слегка смоченной водой) пудры и разноцветных лепестков по цветному фону (черному, темно-коричневому, желтому, красному или